

ДИСКУССИЯ

**ДУХОВНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

**(ответ на комментарии А.А. Фёдорова к статье Г.В. Ожигановой
“Психологические аспекты духовности. Часть 1. Духовный интеллект”)**

Автор выражает благодарность А.А. Фёдорову за интерес к такому важнейшему, на наш взгляд, понятию психологии, как “духовный интеллект”. Аргументы, приводимые оппонентом для опровержения этого конструкта, лишь подтверждают его значимость и право на существование в науке. Согласно критерию научности, сформулированному К.Р. Поппером [6], *научная теория, гипотеза не может быть принципиально неопровержимой*.

Любые серьезные научные концепции, тем более новые, впрочем, так же, как и занявшие свое место в науке устоявшиеся понятия и теории, подвергаются критике. Существование науки и ее развитие невозможны без наличия разных точек зрения на предмет изучения, помогающих проникать в глубины познания мира, вычленивая те или иные аспекты. Поппер рассматривает теории как сети, предназначение которых – улавливать то, что мы называем “миром”, для осознания, объяснения и овладения им. Ученые же стремятся сделать ячейки сетей все более мелкими [там же], и это плодотворный и реалистичный взгляд на исследовательскую деятельность, позволяющий углублять знание об изучаемом предмете, познавать объект во всей его многоаспектности, таким, каким он является в естественных условиях жизнедеятельности.

Мир и человек настолько сложны и многогранны, что нет какой-то одной “правильной” научной теории, концепции или школы, которая могла бы дать исчерпывающую картину мира и внутренней жизни человека. Тем не менее некоторые исследователи полагают, что существуют “правильные” (статистически ориентированные парадигмы), позволяющие научно изучать человека в русле номотетического подхода, и “неправильные”, не научные, опирающиеся на идиографический подход.

Необходимо отметить, что применение статистических методов и основывающегося на них тестологического подхода является уязвимым для научной критики. Данные эмпирических исследований свидетельствуют о том, что параметры

психодиагностической ситуации оказывают значимое влияние на результаты тестирования, воздействуя на продуктивность интеллектуальных процессов испытуемого и его мотивацию [2].

Г. Ю. Айзенк – сторонник тестологического, психометрического направления. В.Н. Дружинин характеризует его как наиболее яркого представителя психофизиологического редукционизма, полагающего, что интеллект определяется скоростью переработки информации нервной системой. Скорость же переработки информации связана с уровнем активированности нервной системы [3]. Айзенк считает: “Определение интеллекта на основании психометрических свойств, выявляемых с помощью тестов *IQ*, проще, а потому удобнее в пользовании” [1, с. 114].

Мы с глубоким уважением относимся к концепции интеллекта Айзенка. Бесспорно, для некоторых целей исследования важны и нужны только скоростные качества интеллекта, и критерий простоты и удобства применения тестов нам кажется очень привлекательным. Но при изучении сложных психологических феноменов, таких как, например, духовные проявления, вряд ли номотетическая парадигма окажется валидной.

К счастью, помимо концепции Айзенка, в науке объективно существует ряд других, не менее важных теорий интеллекта, подчеркивающих многогранность и сложность понятия “интеллект”. Выделение в последнее время таких аспектов интеллекта, как эмоциональный, социальный, практический и духовный, свидетельствует о большом прорыве в науке, ее зрелости, о том, что она становится способной все более глубоко и тонко познавать необъятность и сложность человеческой психики и поведения и отдает себе отчет в серьезности этой задачи.

Примитивизация науки уходит в прошлое. Представление о том, что всю неохватную сложность человеческой психологии можно измерить линейкой и свести весь интеллект к *IQ* (скоростному интеллекту), мягко говоря, не соответствует действительности. Выделение такого значимого

конструкта, как духовный интеллект, включающего ряд духовных способностей, вполне обоснованно и вряд ли сопоставимо с идеей оппонента о раздроблении интеллекта на способность к завязыванию шнурков.

Основные возражения оппонента основаны на критике конструкта “духовный интеллект”, связанного с концепцией множественного интеллекта Г. Гарднера. Оппонент считает, что выделение духовного интеллекта как отдельного его вида неправомерно, и направляет острие своей критики на теорию Гарднера.

При ознакомлении с трудами Гарднера [7, р. 60] и внимательном чтении нашей статьи [4, с. 28] становится ясно, что он действительно поднял вопрос о духовном интеллекте, но отказался от его выделения как самостоятельного вида интеллекта (так что позиция Гарднера совпадает с позицией оппонента). Кроме того, критикуя Гарднера, оппонент приводит цитату Айзенка, в которой отмечается, что Гарднер “... добился большого академического успеха и имеет верных последователей...”. Из этой цитаты можно понять, что Гарднер получает признание в академическом мире даже несмотря на то, что “никогда не приводит свидетельств в пользу своих эзотерических и довольно нереалистических взглядов”.

Оппонент предлагает связать духовность не со способностями, а с умениями. В этой связи возникает вопрос: разве можно свести высшие духовные способности (например, духовные подвиги святых или героев-защитников родины, жертвующих жизнью во благо отечества) к определенным умениям, освоение которых связано с общими способностями к познанию и пониманию.

Проведенные нами пилотажные исследования говорят о том, что люди с выраженными духовными устремлениями позитивно реагируют на конструкты “духовный интеллект” и “духовные способности”, так как они являются основой их поведения. Охватывая такие способности, как широта и глубина ума, связанные с процессами внимания (аттенционные способности) и осознанности (аналитико-синтетические способности), с одной стороны, и способность к добродетельному поведению (доброжелательность и любовь к людям, отсутствие эгоизма, стремления к самоутверждению) — с другой, духовный интеллект позволяет с должным пониманием отнестись к противоположной позиции человека, в том числе научной.

В нашей статье мы основываем свое исследование на постнеклассической концепции, по

праву находящейся на передовом крае науки, которая позволяет учитывать различные точки зрения об объекте исследования и считать их взаимодополняющими и взаимообогащающими. Поэтому дискуссия между сторонниками единого интеллекта и множественного интеллекта, между сторонниками идиографического и номотетического подходов исключается. Кроме того, постнеклассическая парадигма, основываясь на междисциплинарном подходе, позволяет рассматривать разные ракурсы, аспекты и уровни сложнейших психологических феноменов и тем самым получать все более глубокие познания об изучаемых явлениях. Оппонент же не исходит из какой-либо конкретной методологической позиции и не приводит ее обоснования в своих рассуждениях. Он неправомерно сближает концепцию постнеклассической науки с постмодернистскими установками на научное познание, которые считает интеллектуальным мошенничеством. Не приводя ни теоретических, ни эмпирических доказательств, основанных на исследованиях проблемы интеллекта и духовности, не опираясь на четко сформулированные определения этих понятий (собственные или опубликованные в научных изданиях), он пытается вести научную полемику.

Мы считаем, что научная критика и дискуссия должны быть конструктивными, способствовать выдвижению новых идей, обогащающих научное знание, а не закрывать дорогу новым понятиям и не препятствовать развитию науки. Трудно представить себе современную психологию, использующую в качестве психодиагностического инструмента только тест Айзенка.

Наша статья “Духовный интеллект” относится к жанру “теоретическая”, носит характер аналитического обзора теоретических концепций и связана с постановкой проблемы изучения духовности в рамках психологической науки. Эмпирические исследования в области духовного интеллекта ведутся, и в этой связи получены серьезные научные результаты, но это уже предмет другой статьи.

Необходимо отметить, что в статье “Психологические аспекты духовности. Часть 1. Духовный интеллект” нами не ставилась задача введения конструкта “духовный интеллект” в терминологический аппарат психологии, так как в зарубежной психологии он обозначен давно, и мы не имеем к этому никакого отношения и не собираемся приписывать себе лишние заслуги. В отечественной психологии получил распространение термин “духовные способности”, о чем написано во второй части нашей статьи. *Задача ее первой*

части [4, с. 22] – провести психологический анализ понятия “духовный интеллект”, существующего в зарубежной психологии. Цель нашего исследования (обе части статьи [4, 5]) – рассмотреть возможности интегрального изучения многоаспектного феномена духовности в рамках психологической науки в связи с раскрытием и обобщением содержания понятий “духовность”, “духовный интеллект”, “духовные способности”. Поэтому критические замечания по поводу введения конструкта “духовный интеллект” можно адресовать зарубежным авторам, которые его успешно используют уже на протяжении многих лет. Сама же критическая аргументация оппонента подтверждает необходимость и важность понятия “духовный интеллект”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзенк Г.Ю. Понятие и определение интеллекта // Вопросы психологии. 1995. № 1.
2. Дружинин В.Н. Психологическая диагностика способностей: теоретические основы. Ч. 1. Саратов, 1990.
3. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. М.: Ланterna Вита, 1995. С. 69.
4. Ожиганова Г.В. Психологические аспекты духовности. Часть 1. Духовный интеллект // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 4. С. 21–34.
5. Ожиганова Г.В. Психологические аспекты духовности. Ч. 2. Духовные способности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 39–53.
6. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
7. Gardner H. Intelligence reframed. N.Y.: Basic Books, 1999. P. 60.

Г.В. Ожиганова,
канд. психол. наук, Институт психологии
РАН, Москва